

И. Ю. Аксенова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

tradition.aksenova@gmail.com

**ПРАЗДНИК ТРОИЦЫ У СТАРОЖИЛОВ
И ЮЖНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ
В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА ***

Праздник Троицы в традиционной культуре и народной памяти русских людей является одним из наиболее значимых событий в календаре. В середине XX в. появилась альтернатива дня Троицы (Пятидесятницы) в виде так называемого праздника «Русской березки», основа которого была значительно скорректирована в ритуально-смысловом отношении. Изменилась структура события, ему был присвоен статус «культурно-массового мероприятия». Однако, несмотря на все «испытания» советской культурой и атеистической идеологией, праздник Троицы был и остается одним из главных в православном славянском календаре. Особое внимание в статье уделено выявлению рудиментов обрядовой стороны праздника в различных этнокультурных группах Алтая, включая потомков южнорусских переселенцев, а также процессам трансформации праздничной обрядности. Данное исследование особенно важно сегодня, при развитии феномена неотрадиционализма, когда мы наблюдаем активное обращение к собственным этнокультурным обычаям. Основой для написания работы послужили полевые исследования автора 2001–2014 гг.

Ключевые слова: Алтай, русское население, традиционный праздничный календарь, идентичность, переселенческая культура, современная культура села, неотрадиционализм.

Семейно-бытовая и социальная жизнь крестьянина выстраивается в диалоге с календарными временными циклами – зимним, весенне-летним, осенним, а также их переходными периодами. Обращение к традициям, календарно-обрядовым комплексам русского населения Алтая предполагает рассмотрение этнокультурной мозаики этих традиций. Изучаемые автором районы (Мамонтовский, Романовский, Алейский, Чарышский, Шипуновский, Пospелихинский, Курьинский), расположенные в западной, центральной, южной, юго-западной частях

Алтайского края, включают в себя лесостепную и предгорную зоны с разнообразием природных богатств. Жители сел – потомки старожилов и, в большинстве своем, южнорусских переселенцев XIX – первой половины XX в. (пензенские, рязанские, тамбовские, тобольские, орловские, курские, полтавские, украинские и др. переселенцы).

Причинами миграции их предков являлись поиски «вольных» земель в XIX в., строительство Алтайской железной дороги в начале XX в., столыпинская аграрная ре-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00343а).

форма. С переселениями связано не только появление нового типа хозяйства, но и формирование на этой основе быта мигрантов, особенностей народных традиций в материальной и духовной культуре [Липинская, 1986. С. 123]. В пореформенное время (до столыпинских преобразований) община сибирских крестьян повторила многие закономерности развития великорусского «мира», воспроизведя их в совершенно новых природно-климатических, экономических, демографических, политических и социальных условиях за более короткий промежуток времени [Якимова, 1998. С. 38]. Сегодня, благодаря некогда закрепившимся традициям этого «мира» на сибирской земле, мы наблюдаем продолжение его традиций в семейно-бытовом и календарно-обрядовом комплексах у потомков старожилов и переселенцев Алтая.

Традиционная культура – фундаментальный компонент самой жизни народа, одно из важнейших ее проявлений и условий самоорганизации, форма исторически обусловленной коммуникации [Каргин, 2000. С. 4]. «Большие» праздники, такие как Рождество, Крещение, Сретенье, Благовещенье, Вознесение, Троица, в народном представлении являются столпами, на которых основывался весь календарно-обрядовый комплекс, а значит, формировалась система мировосприятия. Сегодня происходит процесс потери традиционных канонов в праздновании этих дат, в том числе Пятидесятницы, что делает актуальным вопросы о сочетании традиционного и инновационного аспектов в отправлении религиозных праздников среди сельского населения. Выявление специфики традиций и новаций в семицко-троицком цикле у старожилов и переселенцев Алтая в середине XX – начале XXI в. важно с точки зрения понимания современных процессов неотрадиционализма, когда традиции в той или иной форме возвращаются в современном обществе [Фурсова, Аксенова, 2013. С. 292]. Изучение уцелевших обычаев и обрядов конкретных переселенческих групп дает возможность в полной мере зафиксировать и описать особенности календарного цикла для их сохранения.

В настоящее время комплексные исследования по анализу традиций и новаций советского периода в отношении календарной обрядности Алтая фактически отсутствуют,

не имеет оценки деятельность советских культуртрегеров по разрушению традиционно-обрядовых комплексов сибирского крестьянства. Задачами исследования являются определение специфики празднования семицко-троицкого комплекса у потомков старожилов и южнорусских переселенцев, рассмотрение статуса праздника в середине XX – начале XXI в., анализ «старого» и «нового» в праздновании Пятидесятницы на современном этапе.

Ежегодные экспедиционные исследования дают системную картину ритуально-обрядовой структуры в календаре русских жителей Алтая. Источниками послужили архивные материалы (постановления по организации и проведению праздников и массовых мероприятий, переписка о проведении районных событий, отчетная документация), интервью с информантами (местными жителями, учителями, школьниками, работниками ДК), анкеты для учащихся 6–11 классов районных и сельских школ и др. Сопоставление архивных данных, полевого материала (собранного методом включенного наблюдения), а также интервью с сельскими жителями разного возраста и рода занятий дает подробную характеристику своеобразия традиций празднования Троицы. Научная новизна заключается в возможности впервые рассмотреть обычаи и обряды семицко-троицкого комплекса, характерные для конкретного временного периода на данной территории, а также во вводе в научный оборот новых источников по данной проблеме (материалов этнографических экспедиций 2001–2014 гг.). Целью исследования становится выявление специфики празднования Троицы у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтая в середине XX – начале XXI в.

По воспоминаниям информантов, приготовление к празднованию Святой Троицы (1930–1950-е гг.) включало в себя уборку, украшение интерьера дома, приготовление праздничного стола. На всю неделю вывешивали «наряду»¹, «галунцы»² на окна и иконы. Традиционным было приготовление

¹ Наряду – богато украшенное вышивкой и кружевом полотенце (с. Журавли Романовского района).

² Галунцы, по воспоминаниям старожилов из с. Хлопуново Шипуновского района, – это полотенца с вышивкой, которые вешали на «Божничку» и окна к большим праздникам.

лепешек, сдобных калачей, хлеба, варение пива (рязанские переселенцы): «Баба Аня варила пива и другие тоже. Фотиха (по отчеству Фотеевна. – *И. А.*) к этому дню пекла сдобные калачи, они большие были и витые, бабушки сидели за столом, а мы, дети, ходили по дому и несли украшенные лентами березовые веточки» (*Л. В. Жукова*, с. Хлопуново Шипуновского района). В четверг перед Троицей проводили домашнюю уборку. «Избы, предварительно вымыты, выскобленные или выбеленные, украшаются внутри и снаружи (перед крыльцом) свежими березками; пол посыпается свежей травой» [*Макаренко*, 1913. С. 170]. Позже произошел переход от уборки дома, от «мытья» и «шорканья», к побелке или «подбеливанию» домов, других построек к празднику (белой глиной, известью), что не считалось за уборку у старшего поколения: «Я помню, к Пасхе выбелишь, к Троице выбелишь. Мы-то уже белили, а свекровь-то мыла. Весь дом мылся, бревна мылись, голиком шоркали, шоб они желтые были, с песком. А потом, когда стали белить, дак те-то свекровки, которы до этого-то время, сказали: ленивые сношки пошли» (*Н. П. Щапова*, с. Островное Мамонтовского района). С конца 1960-х гг. традиции комплексной подготовки к празднику начали терять свою актуальность.

Для предотвращения засухи в троицкий период праздновали «сухие» дни, под которыми предполагались запреты на сельскохозяйственные работы на земле, посадку огородных культур, прополку цветущих растений, стирку на северо-востоке России и в центрально-русских областях [*Славянские древности*, 2012. С. 323]. По отношению к исследуемой территории мы фиксируем аналогичный ряд запретов в «Сухой» четверг (или «Строгий» четверг), который был дополнен просушиванием постели, одежды, других вещей при теплой погоде: «Кухвайку эту сушить (фуфайку. – *И. А.*), – и то вывешивали в «Сухой» Четверг перед Троицей!» (*Л. Ф. Колесова*, с. Гилев-Лог Романовского района). При этом запрещались работы в огороде, земле³.

В семицко-троицкий комплекс входило поминание удушеников и утопленников в субботу перед Троицей, что отмечается по-

всеместно в переселенческой и старожильской традиционных культурах. Однако если сегодня ограничиваются посещением кладбища с помином в утренние часы или домашней трапезой, то еще в первой половине XX столетия в этот день было распространено катание яиц по могиле, пение молитв, обходы могил.

Одним из обязательных компонентов Троицкой недели была покраска яиц в желтый или зеленый цвета (*П. Ф. Путилина*, с. Гилев-Лог Романовского района), а также ритуальные обходы дворов ряжеными: «Пели, плясали! Например, я, баба, наряжусь мужиком, маску надену... хоть черта! Давали и водку, и вино, и хлеб или там печенье, сала кусок. Яйца давали вареные» (*А. Р. Тимофеева*, с. Гуселетово Романовского района). Эти данные находят подтверждение в других исследованиях: в Шипицинской волости обходы ряжеными девушками своих односельчан в субботу накануне Троицы назывались «цыганить» и заключались в сборе подаяния в виде яиц, муки и пр. [*Фурсова*, 2003. С. 7]. Яйцами часто одаривали участников весенне-летних ритуалов [*Славянские древности*, 2012. С. 625]. Обходы дворов на Троицу сохранялись до начала 1960-х гг.

В зависимости от районов расселения этнокультурных групп празднование Троицы проходило в различных местах. К примеру, в с. Бугрышиха Курьинского района (предгорная часть) существовал обычай празднования Троицкого Воскресенья на горе Синюха с восхождением к святым источникам: «Свекровка-то моя, как говорится, была старшая там, между старух. И они в Троицу ходили на Синюху. Все старухи собирались, узелки собирали с едой и шли» (*В. И. Дегтянникова*, с. Курья Курьинского района). *Е. Ф. Фурсовой* отмечается постоянное восхождение групп старушек и женщин в эти места для прочтения молитв, прошений излечения от разного рода женских болезней, а также совершение церемониальных шествий с просьбами о дожде [2005. С. 184]. Автор говорит о том, что традиции восхождений на горы, посещений святых источников на протяжении семидесяти лет существования СССР не прерывались, несмотря на гонения и запреты, закрытие многих церквей [Там же. С. 187]. Можно лишь добавить к описанному материалу, что восхождение из некоторых сел Рудного Алтая совершалось

³ Каких-либо конкретных объяснений информантом не было дано.

в два дня: «Накануне Троицы шли пешком до Синюхи, там где-то переночевали, на другой день поднимались на Синюху, молились, спускались, опять ночевали...» (В. И. Дегтяникова, с. Курья). В с. Тулата Чарышского района, по рассказам старожилов, отмечать Троицу ходили «то на речку, то к утесу» (В. Ф. Вершинин, З. М. Иванова с. Тулата Чарышского района).

В с. Ельцовка Шипуновского района, по рассказам информантов, из-за разливов рек праздничная трапеза была перенесена «в лодку», где ставили стол с печеными изделиями и самоваром, катались и пели песни: «На Троицу всегда наводнение бывает, вода с гор течет и наводнение. Речка Ельцовка разливается. Так вот, люди богатые в то время на лодку садились, ставили самовар, калачи, булочки. Женщины разукрашены, разнаряжены садились в лодку и их по речке катали. И вот они пили чай с самовара, пели песни по речке... это мать моя рассказывала, как их ровесники, родичи катались. Мужики гребут, песни поют, чай пьют. По берегу ротозеи смотрят, кричат, улюлюкают, интересно же!» (В. Усов, с. Ельцовка Шипуновского района). Данная традиция существовала в селе предположительно до конца 1930-х гг.

В степной и лесостепной частях Алтая некоторые обряды (трапеза, завивание венков, кумление, гадание, купально-игровая часть в некоторых местах) проходили в околках, дуброве, гриве, логе, на бугорке, на лужку, у реки и т. д. Субботним утром женщины собирали траву, цветы и ветки берез (за неимением последних, рвали ветки других деревьев) для оформления внутреннего убранства и сельскохозяйственных построек – «богородская трава» (чабрец, тимьян ползучий), «кукушкины слезки», «собачник», «марьины коренья», «огоньки» и др. Однако среди старожильского населения (а также у тобольских, пензенских, рязанских переселенцев) основным являлась заготовка березовых веток и богородской травы, а также их четкое распределение в интерьере дома. Растения стелили на полу и раскладывали на окна, ветки вставляли в двери и окна (по уголкам), в крышу, калитки, ворота, ограду, вешали в сарае, бане, летней кухне, за ковер, за икону, ставили в баночку с водой на окне, и др. В настоящее время сохраняется традиция украшать сельскохозяйственные постройки рядом с домом березовыми ветками (рис. 1).

В южнорусских областях на Троицу делали «кукушку» [Славянские древности,

Рис. 1. Украшение ворот на Троицу березовыми веточками (8 июня 2014 г., г. Алейск, фото автора)

Рис. 2. Прихожане на пути в церковь Святого Великомученика Димитрия Солунского в праздник Троицы (8 июня 2014 г., г. Алейск, фото автора)

Рис. 3. Праздник Троицы в церкви Святого Великомученика Димитрия Солунского (8 июня 2014 г., г. Алейск, фото автора)

2012. С. 321]. Обряд украшения «кукушки» (дерева), с которым затем ходили, пели песни, сохранился в памяти у потомков курских переселенцев в с. Комариха Шипуновского района. «Кукушку наряжать – собирались и наряжали всякой тряпчочкой, ленточкой. Ленточек навязывали на эту кукушку! Там бабушка или кто в доме... яичницу нажарит. Мы в кусты, накроемся все и сидим. Кукушка – это дерево, береза. И вот навязываем, ходим, поем, а потом садимся кушаем это яичницу» (М. С. Ивлева, с. Комариха Шипуновского района). Исследователи, рассматривая состав участников семицко-троицких гуляний замечают, что уходить с запасом яиц, лепешек и другой еды завивать венки, кумиться было преимущественно девичьим делом [Русские, 1997. С. 638]. Данные информантов о составе участников таких походов расходятся: девушки и парни могли гулять, шутить, играть все вместе, местами же парням запрещалось принимать участие в гуляниях (М. Ф. Рыбина, с. Черная Курья, Т. С. Кулигина, с. Суслово Мамонтовского района). Завивание венков, кумление с обменом вещей (платков, венков, яиц) было характерно больше для девушек у старожилов и некоторых южнорусских переселенцев (курские, рязанские, украинские). У курских переселенцев (с. Комариха Шипуновского района) также существовал обычай «подкумливания» в день Вознесения, кумления на Троицкой неделе и «раскумлевания» несколькими днями позже.

Использование, способы и места утилизации веток (берез) были различными у старожилов и потомков южнорусских переселенческих групп. Полевой материал показывает, что у старожилов и тобольских переселенцев срок хранения березовых веточек варьировался от трех дней до следующего года. В основном же ветки сжигали в печи «грубке» или бане спустя несколько дней (Т. Ф. Лапшина, с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского района), иногда пускали по воде (А. Т. Кальная, г. Алейск). Сохранились сведения о выгоне троицкой веточкой коров в стадо (Р. Д. Сычева, с. Гуселетово Романовского района). Украинские переселенцы клали ветки в огород на грядки (Г. Ф. Копытова, с. Гуселетово Романовского района). Из высушенной богородской травы повсеместно изготовляли подушечки, а где-то ее заваривали для употребления и омове-

ний в бане («россейские»; А. А. Глущенко с. Гилев-Лог Романовского района).

Традиции использования травы после праздника, а также вера в ее целебную силу существует и сегодня. Жители сел и малых городов Алтайского края приходят за травой в храмы, чтобы постоять на ней босыми ногами (рис. 2; 3), а по прошествии трех дней забрать ее домой для заваривания и употребления, тем самым, по их мнению, сохранить себе здоровье, предостеречь от бед свою семью (Н. В. Глашкина, г. Алейск Алейского района).

Как отмечает Т. К. Щеглова, в 1920-е гг. в деревне существовали две сложные системы праздничной культуры: традиционно-религиозная праздничная обрядность, сложившаяся в результате многовекового синтеза языческих, православных и сельскохозяйственных элементов, и формируемая система новых государственных советских праздников [2008. С. 337]. Таким образом, местные культурные традиции невозможно изучать сегодня без учета фактора советской культуры, как и советскую культуру нельзя изучать вне связи с местными традициями [Соколовский, Сорин-Чайков, 1994. С. 161]. Рассматривая деятельность культурно-просветительных учреждений во второй половине XX столетия, можно заметить, что праздник Троицы подвергается серьезной трансформации. Влияние на подобного рода изменения оказали вводимые в череду культурных мероприятий «новые гражданские праздники и обряды», среди которых был и праздник «Русской березки», т. е. Троицы. В ряде писем и документов районных архивов встречается информация о введении «гражданских праздников»: «Новые праздники и обряды в нашем районе проводятся с сентября месяца 1964 года... В 1966 году работа по внедрению в жизнь новых праздников и обрядов значительно улучшилась»⁴.

Систематическое проведение праздника «Русской березки» закрепилось с 1970-х гг.: «Регулярно проводить русские праздники и обряды: регистрации новорожденных и новобрачных, проводы Русской Зимы, Русской березки, праздники урожая, траурные митинги односельчан, проводы в Советскую Армию, торжественное вручение паспортов,

⁴ АОАПРАК. Ф. Р-67. 1978 г. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

посвящение в земледельцы и животноводы и др.»⁵.

В годовом плане развития культурно-просветительской работы Поспелихинского района (1978 г.) праздник «Русской березки» относится к категории «отдых и развлечение» наряду с конкурсами пения, конкурсами на лучшее доение коров и стрижку овец, бальными танцами, Проводами Русской Зимы⁶. В результате произошло вымывание важной обрядовой составляющей праздника Троицы. Программа мероприятия состояла из концертных номеров, спортивных состязаний: «Праздник березки – это наш праздник Троицы. Обязательно делали концерт, соревнования, футбол играли! Хотя... вроде как какую-то березку срубали и ставили в центр села» (В. А. Иванова, бывший директор ДК в с. Родино Шипуновского района). В перспективной социально-культурной программе на 1982–1985 гг. праздник «Русской березки» позиционируется коллегией управления культуры крайисполкома как театрализованное мероприятие, посвященное сенокосу: «Праздник “Русской березки” – праздник, посвященный началу сенокоса, проводить в июне, ежегодно»⁷.

Безусловно, уход от содержательного наполнения, смыслов под влиянием советской идеологии формировал и иную систему ценностей у следующих поколений по отношению к традиционной культуре в целом. «Усилить работы по эстетическому воспитанию. Повысить качество проводимых мероприятий. Стремиться к тому, чтобы каждое из них осуществлялось на высоком идейно-художественном уровне, обеспечивая присутствующим душевный настрой для высокоэффективного труда»⁸. Таким образом, очевидным является искусственное смысловое смещение основ праздника Троицы, присвоение ему статуса «мероприятия». С другой стороны, обращение в 1960-е гг. к празднику Троицы определяло культурный вектор, ориентированный неким образом на традиционность. Советская модернизация опиралась в организации массовых праздников на народную традицию собор-

ности (коллективности), массовое единение народа [Щеглова, 2008. С. 343].

Как уже было сказано, во второй половине XX в. праздник Троицы приобретал идеологическую направленность. В связи с деятельностью культурно-просветительских организаций знания обрядовой стороны праздника значительно обеднели, практически отсутствуют среди молодого поколения 1980-х гг. рождения. При анализе анкет среди школьников 6–11 классов сельских школ встретилось лишь одно упоминание праздника Троицы в числе тех, «которые празднуют в нашей семье» (Анкеты, 2013–2014 гг. И. Дружко, 6 класс, с. Быково Шипуновского района). Сегодня существуют межпоколенные различия в праздновании Троицы. Представители старшей возрастной когорты все еще придерживаются унаследованных от своих родителей обычаев; информанты, чье взросление происходило во времена советской антирелигиозной пропаганды, признаются, что понемногу возвращаются к православным праздникам; рожденные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в большинстве случаев знают о празднике Троица, однако не могут подробно объяснить его смысл и надобность празднования. Остается актуальной проблема сложной смены поколений в XX–XXI вв. в условиях резких изменений социо- и этнокультурных парадигм [Тульцева, 2011. С. 5].

Рассматривая традиционный семицкотреицкий комплекс в современности, мы можем говорить о сохранении у потомков старожилов и южнорусских переселенцев поминального дня, различных способов украшения домашнего убранства, ритуальной пищи. Сегодня праздник Пятидесятницы в центральных и южных районах Алтайского края включает в себя «подготовительные дни» (четверг, пятница), день поминания умерших не своей смертью (субботнее утро), сбор цветов и веток различных деревьев и кустарников (тюльпаны, ирис, чистотел, мята, ветки березы, дуба, дикой смородины) оформление ими дома и дворовых построек (суббота и воскресенье), посещение храма для освящения растительности (воскресенье), встречу за общим столом или выезд «на природу» для общей трапезы и общения. Такие элементы праздника, как запреты «Сухого» Четверга, покраска яиц и приготовление определенного рода выпечки, кумление и традиционные игры среди молоде-

⁵ АОАПРАК. Ф. Р-67. 1971 г. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

⁶ Там же. 1978 г. Оп. 1. Д. 61. Л. 6–7.

⁷ ГААК. Ф. Р-1062. 1982 г. Д. 108. Оп. 3. Л. 25.

⁸ АОАПРАК. Ф. Р-67. 1976 г. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

жи, обрядовые обходы дворов постепенно исчезают из практики к началу 1960-х гг., когда реализуются проекты внедрения в жизнь «новых» советских обрядов. Сегодня же мы наблюдаем интерес к традиционным праздникам в городах и сельской местности, что связано с фольклорным движением, целенаправленной культурной политикой РФ и актуализацией этнокультурных традиций.

Список литературы

Каргин А. С. К читателю // Традиционная культура, 2000. № 1. С. 3–4.

Липинская В. А. Миграции русского населения и хозяйственное освоение юга Западной Сибири (предгорный и горный Алтай) в XVIII в. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин: АН Эстонской ССР, 1986. Вып. 1. 288 с.

Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб.: Государственная типография, 1913. 293 с.

Русские. М.: Наука, 1997. 830 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). 736 с.

Соколовский С. В., Сорин-Чайков Н. В. Современность и смыслы традиционализма // ЭО. 1994. № 6. С. 160–163.

Тульцева Л. А. Традиционные праздники народов России на рубеже столетий: введение в дискуссию // ЭО. 2011. № 4. С. 3–6.

Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Ч. 2. 268 с.

Фурсова Е. Ф. Троицкая обрядность и массовые формы религиозного сознания русского населения Рудного Алтая (по полевым материалам 1980–2005 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 2. С. 182–187.

Фурсова Е. Ф., Аксенова И. Ю. Традиции и новации в современной праздничной культуре: постановка проблемы // Вестн.

Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 292–298.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история. Барнаул, 2008. 526 с.

Якимова И. А. Взаимодействие общинных традиций старожилов и новоселов на Алтае (вторая половина XIX в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 1998. Вып. 3. С. 38–40.

Список источников

Анкеты учащихся 6–11 классов сельских и районных школ с. Быково Шипуновского района; с. Островное, с. Суслово Мамонтовского района, 2013–2014 гг.

АОАПРАК. Ф. Р-67. Годовой план развития культурно-просветительской работы района за 1978 г. 1978. Д. 61. Оп. 1. 15 с.

АОАПРАК. Ф. Р-67. Переписка отдела культуры по проведению праздников в районе с 1966 года (Годовой план развития культурно-просветительской работы района за 1978 г.). 1978. Д. 16. Оп. 1. 131 с.

АОАПРАК. Ф. Р-67. Материалы по организации и проведению праздников и массовых мероприятий на 1971 г. (Годовые планы работ культурно-просветительных учреждений). 1971. Д. 28. Оп. 1. 19 с.

АОАПРАК. Ф. Р-67. Социалистические обязательства работников отдела культуры района за 1976 г. 1976. Д. 58. Оп. 1. 9 с.

ГААК. Ф. Р-1062. Приказы начальника управления культуры крайисполкома, постановления коллегии управления культуры крайисполкома № 19 от 31 августа «О разработке социально-культурных программ». 1982. Д. 108. Оп. 3. 26 с.

Полевые материалы автора

Вершинин Василий Фадеевич, 1934, с. Тулата Чарышского района (потомки казаков);

Глущенко Анна Алексеевна, 1925, с. Гилев-Лог Романовского района (потомки переселенцев с «Россеи»);

Жукова Людмила Владимировна, 1952, с. Хлопуново Шипуновского района (потомки рязанских переселенцев);

Иванова Вера Андреевна, 1946, с. Родионо Шипуновского района (потомки украинских переселенцев);

Глашкина Надежда Васильевна, 1949, г. Алейск (потомки саратовских переселенцев);

Дегтянникова Валентина Ивановна, 1928, с. Курья Курьинского района (в статье приведена информация, записанная от В. И. о родственниках ее мужа – потомков переселенцев «с Россеи»);

Иванова Зоя Михайловна, 1939, с. Тулата Чарышского района (потомки казаков);

Ивлева Мария Сергеевна, 1935, с. Комариха Шипуновского района (потомки курских переселенцев);

Кальная Анна Тихоновна, 1936, г. Алейск Алейского района (старожилы);

Колесова Любовь Федоровна, 1939, с. Гилев-Лог Романовского района (потомки переселенцев с «Россеи»);

Копытова Галина Федотовна, 1924, с. Гуселетово Романовского района (переселенка с Украины);

Кулигина Татьяна Сергеевна, 1936, с. Суслово Мамонтовского района (потомки украинских переселенцев);

Лапшина Тамара Федоровна, 1937, с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского района (старожилы);

Путилина Прасковья Федоровна, 1932, с. Гилев-Лог Романовского района (потомки рязанских переселенцев);

Рыбина Мария Федоровна 1931, с. Черная Курья Мамонтовского района (потомки украинских переселенцев);

Сычева Раиса Дмитриевна, 1927, с. Гуселетово Романовского района (потомки тобольских переселенцев);

Тимофеева Анастасия Романовна, 1922, с. Гуселетово Романовского района (потомки курских переселенцев);

Усов Владимир, 1933, с. Ельцовка Шипуновского района (старожилы);

Щапова Надежда Петровна, 1937, с. Островное Мамонтовского района (потомки саратовских переселенцев).

Материал поступил в редколлегию 01.10.2014

I. Yu. Aksenova

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

tradition.aksenova@gmail.com

PENTECOST AS CELEBRATED BY THE OLD-TIMERS AND SOUTH RUSSIAN IMMIGRANTS TO THE ALTAI TERRITORY IN THE MID XX – EARLY XXI CENTURIES

Purpose. Pentecost is one of the most important religious holidays which is not losing its relevance up to now in the calendar of the Russian traditional culture and in folk memory. The article analyzes separate elements of the Pentecost ceremonies in the second half of the XX and the beginning of the XXI centuries. Due to the interest in folk traditions, an alternative celebration, the so-called «Festival of Russian Birch», was introduced in the middle of the XX century. Though based on the Pentecost tradition, its meaning was significantly amended in ritual–semantic terms.

Results. The status of the holiday was changed from a religious to a «cultural-mass» event (at the end of the 1960-s – early 1970-s). Its celebration started to include sports competitions and concert performances, which transformed the traditional celebration to a large extent. This led to a different perception of Russian folk traditions by the younger generation. However, despite the Soviet culture influence and the atheist ideology, the Pentecost still remains one of the top holidays in the Orthodox Slavic calendar. We analyzed different aspects of the Soviet influence using the materials of archival documents available. The article focuses on identifying the vestiges of the ceremonial side of this event in various ethno-cultural groups in Altai, particularly among south Russian immigrants. We also pay attention to the processes of festive ritual transformations.

Conclusion. Having analyzed the places for celebrating Trinity by representatives of different ethnic and cultural groups, arrangements for the holiday, ritual food, ceremonies of remembering the dead and collecting grass and branches to decorate the home, the use of herbs for healing, methods of utilizing greenery, we identified the features of the Trinity celebration preserved up to now by the old-timers and the south Russian immigrants in the Altai region. At the beginning of the XXI century, the era of globalization, urbanization, etc., such analysis in the frameworks of neotraditionalism, when ethnic traditions are returned to the modern society, is of particular interest. This research is topical due to the contemporary interest of nations in their own ethno-cultural traditions and society being aware of the importance of traditions as a mechanism of culture and ensuring historical continuity for ethnic groups. By addressing traditions and ceremonies of important calendar holidays practiced by Russian immigrants in the Altai region, we create ethnic and cultural mosaic of national folk traditions. This research is based on the author's fieldwork in 2001–2014 on the territory of the Altai region (villages and towns of Mamontovo, Romanovo, Aleisk, Charysh, Shipunovo, Pospeliha, Kurya), materials of archival documents and surveys of 6–11 grade students from local schools (conducted in 2013–2014).

Keywords: Altai, Russian peoples, Traditional holiday calendar, identity, culture, modern culture of the village, neotraditionalism.

References

Ankety uchenikov 6–11 klassov sel'skikh i raionnykh shkol (2013–2014 gg.) [Questionnaires of students 6–11 classes in rural and district schools (2013–2014)]. (in Russ.)

Kargin A. S. K chitatelyu [To the reader]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2000, no. 1. p. 3–4. (in Russ.)

Lipinskaya V. A. Migratsii russkogo naseleniya i khozyaistvennoe osvoenie yuga Zapadnoi Sibiri (predgornyi i gornyi Altai) v XVIII v. [Migrations of the Russian population and the economic development of the South of Western Siberia (the Altai foothills and the Altai Mountains) in the XVIII century]. *Social'no-demograficheskie protsesy v rossiiskoi derevne (XVI – nachalo XX v.)* [Socio-demographic processes in the Russian village (XVI – and the beginning of the XX century)], Tallin, Akademiya nauk Estonskoi SSR Publ., 1986, vol. 1, 288 p. (in Russ.)

Makarenko A. *Sibirskii narodnyi kalendar' v etnograficheskom otnoshenii* [Siberian folk calendar in ethnographical relation]. St.-Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1913, 293 p. (in Russ.)

OKPR AK. F. R–67. Godovoi plan razvitiya kul'turno-prosvetitel'skoi raboty raiona za 1978 g. [The annual plan of cultural and educational work in the district for 1978], 1978, r. 61, sh. 1, 15 p.

OKPR AK. F. R–67. Materialy po organizatsii i provedeniyu prazdnikov i massovykh meropriyatii na 1971 g. (Godovye plany rabot kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdenii). [Materials about organization the festivals and events for 1971 (annual work plan cultural institutions)], 1971, r. 28, no. 7, sh. 1, 19 p.

OKPR AK. F. R–67. Perepiska otdela kul'tury po provedeniyu prazdnikov v raione s 1966 goda (Godovoi plan razvitiya kul'turno-prosvetitel'skoi raboty raiona za 1978 g.). [Correspondence Department of Culture for the holidays in the district since 1966 (Annual Plan for the development of cultural work area for 1978)], 1978, D. 16, no. 4, sh. 1, 131 p.

OKPR AK. F. R–67. Sotsialisticheskie obyazatel'stva rabotnikov otdela kul'tury raiona za 1976 g. [Socialist commitments of workers of the cultural department of the District for 1976], 1976, r. 58, sh.1. 9 p.

Ofitsial'nyi sait Altaiskogo kraja [The official website of the Altai region], (in Russ.) Available at: <http://www.altaregion22.ru/> (accessed 20.09.2014)

Russkie [Russian]. Moscow, Nauka, 1997, 830 p. (in Russ.)

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5 tomakh [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2012, vol. 5: S (Skazka)–Ya (Yashcheritsa), 736 p. (in Russ.)

Sokolovskii S. V. Sorin-Chaikov N. V. Sovremennost' i smysly traditsionalizma [Modernity and meanings of traditionalism]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], no. 6, 1994, p. 160–163. (in Russ.)

Tul'tseva L. A. Traditsionnye prazdniki narodov Rossii na rubezhe stoletii: vvedenie v diskussiyu [Traditional celebrations of people of Russia at the turn to the centuries: Introduction in discussion]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], no. 4, 2011, p. 3–6. (in Russ.)

Fursova E. F. Troitskaya obryadnost' i massovye formy religioznogo soznaniya russkogo naseleniya Rudnogo Altaya po polevym materialam 1980–2005 gg. [Pentecost rituals and mass forms of religious consciousness of the Russian population of Ore Altai (from ethnographic materials 1980–2005)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Materialy Godovoi sessii Instituta arheologii i etnografii SO RAN 2005 g.). [The problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories (Materials Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 2005)], Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, vol. 11, iss. 2. p. 182–187. (in Russ.)

Fursova E. F. *Kalendarnye prazdniki vostochnoslavnyanskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX – pervaya tret' XX v.)* [Calendar rites and rituals of East Slavic peoples of Novosibirsk region as a result interaction (end of XIX – the first third of the XX century)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, iss. 2, 268 p. (in Russ.)

Fursova E. F., Aksonova I. Yu. Traditsii i novatsii v sovremennoi prazdnichnoi kul'ture: postanovka problemy [Traditions and innovations in contemporary festive culture: the problem]. *Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2013, vol. 12, iss. 3: Archaeology and Ethnography, p. 292–298. (in Russ.)

Shcheglova T. K. *Derevnya i krest'yanstvo Altaiskogo kraja v XX veke: Ustnaya istoriya* [The village and the peasantry of the Altai territory in the XX century: the Oral history]. Barnaul, BGPU Publ., 2008, 526 p. (in Russ.)

Shcheglova T. K. Russkii narodnyi kalendar' i pravoslavnye traditsii v predprinimatel'skoi i social'no-bytovoii sfere yarmarochnoi zhizni rossiiskogo obshchestva. Seredina XIX – pervaya chetvert' XX vv. [Russian folk calendar and Orthodox traditions in business and social sphere fair-ground life of Russian society. The middle XIX – and the first quarter of the XX century]. *Ekonomika Altaiskogo kraja* [The economy of Altai region], 2011, no. 2, p. 33–37. (in Russ.)

Yakimova I. A. Vzaimodeistvie obshchinnnykh traditsii starozhilov i novosyolov na Altae (vtoraya polovina XIX v.) [Interaction of communal traditions of old residents and settlers in the Altai (second part of the XIX century.)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and neighboring territories], 1998, iss. 3, p. 38–40. (in Russ.)